

1001 ночь.

Рассказ о носильщике и трех девушках

А именно, был человек из носильщиков, в городе Багдаде, и был он холостой. И вот однажды, в один из дней, когда стоял он на рынке, облокотившись на свою корзину, вдруг останавливается возле него женщина, закутанная в шелковый мосульский изар [22] и в расшитых туфлях, отороченных золотым шитьем, с развевающимися лентами. Она остановилась и подняла свое покрывало, и из-под него показались глаза, ресницы и веки, а женщина была нежна очертаниями и совершенна по красоте. И, обратившись к носильщику, она сказала мягким и ясным голосом: "Бери свою корзину и следуй за мной". И едва носильщик удостоверился в сказанном, как он поспешно взял корзину и воскликнул: "О день счастья, о день помощи!" – и следовал за женщиной, пока она не остановилась у ворот одного дома и не постучала в ворота. Какой-то христианин спустился вниз, и она дала ему динар и взяла у него бутылку оливкового цвета и, положив ее в корзину, сказала: "Неси и следуй за мной!"

"Клянусь Аллахом, вот день благословенный, день счастливого успеха!" – воскликнул носильщик и понес корзину за женщиной. А она остановилась у лавки зеленщика и купила у него сирийских яблок, турецкой айвы, персиков из Омана, жасмина, дамасских кувшинок, осенних огурцов, египетских лимонов, султаньских апельсинов и благовонной мирты, и хенны, и ромашки, анемонов, фиалок, гранат и душистого шиповника, и все это она положила в корзину носильщика и сказала: "Неси!"

И носильщик понес за ней следом, а она остановилась возле лавки мясника и сказала: "Отрежь десять ритлей [23] мяса". Он отрезал ей, и она заплатила ему и, завернув мясо в лист банана, положила его в корзину и сказала: "Неси, носильщик!" И носильщик понес след за нею. А потом женщина подошла и остановилась у лавки бакалейщика и взяла у него очищенных фисташек, что для Закуски, и тихамского изюма и очищенного миндаля и сказала носильщику: "Неси и следуй за мной!"

И носильщик понес корзину и последовал за девушкой, а она остановилась у лавки торговца сладостями и купила поднос, на который наложила всего, что было у него: плетеных пирожных и пряженцев, начиненных мускусом, и пастилы, и пряников с лимоном, и марципанов, и гребешков Зейнаб, и пальцев, и глотков кади, и всякого рода сладостей, которыми она наполнила поднос, а поднос положила в корзину. И носильщик сказал ей: "Если бы ты дала мне знать, я привел бы с собою осленка, чтобы нагрузить на него эти припасы". И женщина улыбнулась и, ударив его рукой по затылку, сказала: "Ускорь шаг и не разговаривай много! Твоя плата тебе достанется, если захочет Аллах великий".

И женщина остановилась возле москательщика и взяла у него воду десяти сортов: розовую воду, померанцевую, сок кувшинок и ивовый сок, и еще взяла две головы сахара и обрызгиватель с розовой водой с мускусом, и крупинки ладана, и алоэ, и амбру, и мускус, и александрийских свечей, и все это она положила в корзину и сказала: "Возьми твою корзину и следуй за мной!" И носильщик взял корзину и пошел за женщиной.

Женщина подошла к красивому дому с широким двором перед ним, высоко построенному, с высившимися колоннами, а ворота его с двумя створами из черного дерева были выложены полосками из червонного золота. Она остановилась у ворот и, откинув с лица покрывало, постучала тихим стуком, а носильщик сиял позади нее и непрестанно размышлял о ее красоте и прелести. Вдруг ворота открылись, и распахнулись оба створа, и носильщик взглянул, кто открыл ей ворота, и видит – высокая ростом, с выпуклой грудью, красивая, прелестная, блестящая и совершенная, стройная и соразмерная, с сияющим лбом и румяным лицом, с глазами, напоминающими серн и газелей, и бровями, подобными луку новой луны в шабан [24]. Ее щеки были как анемоны, и рот как соломонова печать [25], и алые губки как коралл, и зубки как стройно нанизанный жемчуг или цветы ромашки, а шея как у газели, и грудь словно мраморный бассейн с сосками точно гранат, и прекрасный живот, и пупок, вмещающий унцию орехового масла, как сказал о ней поэт:

Посмотри на солнце дворцов роскошных и месяц их,

На цветок лаванды и дивный блеск красоты его!

Не увидит глаз столь прекрасного единения

С белым черного, как лило ее и цвет локонов.

И, лицом румяна, красой своей говорит она

О своем прозванье, хоть свойств прекрасных в нем нет се.

Изгибается, и смеюсь я громко над бедрами,

Изумляясь им, но готов я слезы над станом лить.

И когда носильщик взглянул на нее, его ум и сердце были похищены, и корзина чуть не упала с его головы. "Я в жизни не видал дня, благословеннее этого!" – воскликнул он, а женщина-привратница сказала покупавшей: "Входи и сними тяжесть с этого бедного носильщика!" И покупавшая вошла, а за нею привратница и носильщик, и они пошли и достигли просторного двора с колоннадой, с пристройками, сводами, беседками и скамьями, чуланами и кладовыми, над которыми были опущены занавеси, а посреди двора был большой водоем, полный воды, и в нем челнок. А на возвышении было ложе из можжевельника, выложенное драгоценными камнями, над которым был опущен полог из красного атласа с жемчужными застежками величиной с орех и больше, и из-за него показалась молодая женщина сияющей внешности и приятного вида, с дивными чертами и лунолика, с глазами чарующими, осененными изогнутым луком бровей. Ее стан походил на букву алиф [26], и дыхание ее благоухало амброй, и коралловые уста ее были сладостны, и лицо ее своим светом смущало сияющее солнце. Она была словно одна из вышних звезд или купол, возведенный из золота, или арабский курдюк, или же невеста, с которого сняли покрывало, как сказал о ней поэт:

Смеясь, она как будто являет нам

Нить жемчуга, иль ряд градин, иль ромашек;

И прядь волос, как мрак ночной, спущена,

И блеск ее сиянье утра смущает.

И третья женщина поднялась с ложа и не спеша подошла к сестрам и сказала: "Чего вы стоите? Спустите тяжесть с головы этого бедного носильщика!" И покупавшая зашла спереди, а привратница сзади, и третья помогла им. И они сняли корзину с носильщика и вынули то, что было в корзине, и разложили все по местам и дали носильщику два динара и сказали: "Отправляйся, носильщик!" Но тот смотрел на девушек, таких красивых и прекрасных, каких он еще не видел, а между тем у них не было мужчин. Он глядел на напитки, плоды и благовония и прочес, что было у них, и, удивленный до крайности, медлил уходить. "Что с тобой, почему же ты не идешь? спросила его женщина. – Ты как будто находишь плату слишком малой?" И, обратившись к своей сестре, она сказала ей: "Дай ему еще динар".

Но носильщик воскликнул: "О госпожа, я не нахожу, что мне заплатили мало, и моя плата не составит и двух дирхемов, но мое сердце и ум заняты вами: как это вы здесь одни, и возле вас нет мужчин, и никто вас не развлекает. Вы знаете, что минарет не стоит иначе, как на

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

четырёх подпорах, а у вас нет четвертого. Женщинам хорошо играть лишь с мужчинами, ведь сказано:

Не видеть – четыре тут для радости собраны:

И лютня, и арфа здесь, и цитра, и флейта.

Четыре цветка тому вполне соответствуют:

Гвоздика, и анемон, и мирта, и роза.

Четыре нужны еще, чтоб было прекрасно все:

Вино, и цветущий сад, динар, и любимый.

А вас трое, и вам нужен четвертый, который был бы мужем разумным, проницательным и острым, и хранителем тайн".

И когда девушки услышали слова носильщика, который им понравились, они засмеялись и сказали: "Кто же будет для нас таким? Мы девушки и боимся доверить тайну тому, кто не сохранит ее. Мы читали в каких-то преданиях, что сказал ибн ас-Сумам:

Храни свою тайну, ее не вверяй;

Доверивший тайну тем губит ее.

Ведь если ты сам свои тайны в груди

Не сможешь вместить, как вместить их другим?

Об этом же сказал, и отлично сказал, Абу-Новас [27]

Кто людям поведаст тайну свою

Достоин тот знака позора на лбу".

Услышав эти слова, носильщик воскликнул: "Клянусь вашей жизнью, я человек разумный и достойный доверия, и я читал книги и изучал летописи. Я проявляю хорошее и скрываю скверное, ведь поэт говорит:

Лишь тот может тайну скрыть, кто верен останется,

И тайна сокрытою у лучших лишь будет;

Я тайну в груди храню как в доме с запорами,

К которым потеряю ключ, а дверь за печатью".

Услышав столь искусно нанизанные стихи, девушки сказали носильщику: "Ты знаешь, что мы потратили на трапезу много денег; есть ли у тебя что-нибудь, чтобы возместить нам? Мы не позволим тебе сидеть у нас и стать нашим сотрапезником и глядеть на наши светлые и прекрасные лица, пока ты не заплатишь сколько-нибудь денег. Разве не слышал ты пословицу: "Любовь без гроша не стоит и зернышка?" А привратница добавила: "Есть у тебя что-нибудь, о мой любимый, тогда ты сам – что-нибудь, а нет у тебя ничего, – и иди без ничего". – "О сестрицы, – сказала тогда покупавшая, – отстаньте от него. Клянусь Аллахом, он сегодня ничем не погрешил перед нами, и будь тут другой, он не был бы с нами так терпелив. Что с него ни придется, я заплачу за него". И носильщик обрадовался и поцеловал землю и поблагодарил, и тогда та, что была на ложе, сказала: "Клянусь Аллахом, мы оставим тебя сидеть у нас только с одним условием: чтобы ты не спрашивал о том, что тебя не касается; а станешь болтать лишнее, так будешь бит". – "Я согласен, о госпожа, – отвечал носильщик. – На голове и на глазах! Вот я уже без языка".

И покупавшая встала и, затянув пояс, расставила кружки и процедила вино. Она расположила зелень около кувшина и принесла все, что было нужно, а потом поставила вино и села вместе с сестрами, а носильщик сел между ними и думал, что он во сне. Потом она взяла флягу с вином и, наполнив первый кубок, выпила его, а за ним второй и третий, а потом наполнила и подала носильщику и произнесла:

"Пей во здравье, радостью наслаждаясь!

Вот напиток, что болезни излечит".

А носильщик взял чашу в руку и поклонился и поблагодарил и произнес:

"Не должно нам кубок пить иначе, как с верными,

Чей род благородно чист и к предкам возводится.

С ветрами сравню вино: над садом летя, несут

Они благовоние, над трупами – вонь одну.

И еще произнес:

Вино ты бери из рук газели изнеженной,

Что парностью свойств тебе и она подойдет.

Потом носильщик поцеловал женщинам руки и выпил, и опьянел, и закачался, и сказал:

"Кровь любую запретно пить по закону,

Кроме крови лозы одной винограда.

Напои же, о лань, меня – и отдам я

К богатство, и жизнь мою, и наследство".

После этого женщина наполнила чашу и подала ее средней сестре, а та взяла чашу у нее из рук и поблагодарила и выпила, а затем наполнила чашу и подала ее той, что лежала на ложе, а после того она налила другую чашу и протянула ее носильщику, который поцеловал перед ней землю и поблагодарил и выпил и произнес слова поэта:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Дай же, дай, молю Аллахом,

Мне вино ты в чашах полных!

Дай мне чашу его выпить,

Это, право, вода жизни!"

Потом он подошел к госпоже жилища и сказал: "О госпожа моя, я твой раб, и невольник, и слуга! – и произнес:

Здесь раб у дверей стоит, один из рабов твоих;

Щедроты и милости твои всегда помнит он.

Войти ли, красавица, ему, чтоб он видеть мог

Твою красоту? Клянусь любовью, останусь я!"

И она сказала: "Будь спокоен, пей на здоровье, да пойдешь ты по пути благоденствия!" И носильщик взял чашу и, поцеловав руку девушки, произнес:

И подал ей древнее, ланитам подобное,

И чистое; блеск его как утро сияет.

К губам поднося его, смеясь, она молвила:

"Ланиты людей в питье ты людям подносишь".

И молвил в ответ я: "Пей – то слезы мои, и кровь

Их красными сделала; сварили их вздохи".

А она, в ответ ему, сказала такой стих:

"Коль плакал по мне, мой друг, ты кровью, так дай сюда,

Дай выпить ее скорей! Тебе повинуюсь!"

И женщина взяла чашу и выпила ее и сошла с ложа к своей сестре, и они не переставали (и носильщик меж ними) пить, плясать и смеяться и петь и произносить стихи и строфы, и носильщик стал с ними возиться, целоваться, и кусаться, и гладил, и щипал, и хватал, и повесничал, а они одна его покормит, другая ударит, та даст пощечину, а эта поднесет ему цветы. И он проводил с ними время приятнейшим образом и сидел словно в раю среди большеглазых гурий.

И так продолжалось, пока вино не заиграло в их головах и умах; и когда напиток взял власть над ними, привратница встала и сняла одежды и, оставшись обнаженной, распустила волосы покровом и бросилась в водоем. Она стала играть в воде и плескалась и плевалась и, набрав воды в рот, обрызгала носильщика, а потом она вымыла свои члены и то, что между бедрами и, выйдя из воды, бросилась носильщику на колени и сказала: "О господин мой, о мой любимый, как называется вот это?" – и показала на свой фардж. "Твоя матка", – отвечал носильщик, но она воскликнула: "Ой, и тебе не стыдно?" – и, взяв его за шею, надавала ему подзатыльников. И носильщик сказал: "Твой фардж", – но она еще раз ударила его по затылку и воскликнула: "Ай, ай, как гадко! Тебе не стыдно?" – "Твой кусе!" – воскликнул носильщик, но женщина сказала: "Ой, и тебе не совестно за твою честь?" – и ударила его рукой. "Твоя оса!" – закричал носильщик, и старшая принялась бить его, приговаривая: "Не говори так!" И всякий раз как носильщик говорил какое-нибудь название, они прибавляли ему ударов, так что затылок его растаял от затрещин, и его сделали посмешищем. "Как же это, по-вашему, называется?" – взмолился он наконец, и привратница сказала: "Базилика храбреца!" И тогда носильщик воскликнул: "Слава Аллаху за спасение! Хорошо, о базилика храбреца!"

Потом они пустили чашу в круг, и вторая женщина встала и, сняв с себя одежды, бросилась носильщику на колени и спросила, указывая на свой хирр: "О свет глаз моих, как это называется?" – "Твой фардж", – сказал он, но она воскликнула: "Как тебе не гадко? – и дала ему затрещину, от которой зазвенело все в помещении. – Ой, ой, как ты не стыдишься?" "Базилика храбреца!" – закричал носильщик, но она воскликнула: "Нет!" и удары и затрещины посыпались ему на затылок, а он говорил: "Твоя матка, твой кусе, твой фардж, твоя срамота!" – но они отвечали: "Нет, нет!" – "Базилика храбреца!" – опять закричал носильщик, и все три так засмеялись, что опрокинулись навзничь. И они снова стали бить его по шее и сказали: "Нет, это не так называется!" – "Как же это называется, о сестрицы?" – воскликнул он, и девушка сказала: "Очищенный кунжут!" Затем она надела свою одежду, и они сели беседовать, и носильщик охал от боли в шее и плечах.

И чаша ходила между ними некоторое время, и потом старшая среди них, красавица, поднялась и сняла с себя одежды, и тогда носильщик схватился реками за шею, потер ее и воскликнул: "Моя шея и плечи потерпят еще на пути Аллаха!" К женщине обнажилась и бросилась в водоем, и нырнула, и поиграла, и вымылась, а носильщик смотрел на нее обнаженную, похожую на отрезок месяца, с лицом подобным луне, когда она появляется, и утру, когда оно засияет. Он взглянул на ее стан и грудь и на тяжкие и подрагивающие бедра, и она была нагая, как создал ее господь, и носильщик воскликнул: "Ах! ах! – и произнес, обращаясь к ней:

Когда бы тебя сравнил я с веткой зеленою,

Взвалил бы на сердце я и горе и тяжесть.

Ведь ветку находим мы прекрасней одетою,

Тебя же находим мы прекрасней нагою".

И, услышав эти стихи, женщина вышла из водоема и, подойдя к носильщику, села ему на колени и сказала, указывая на свой фардж: "О господин мой, как это называется?" – "Базилика храбреца", – ответил носильщик, но она сказала: "Ай! ай!" И он вскричал: "Очищенный кунжут!", но она воскликнула: "Ох!" – "Твоя матка", – сказал тогда носильщик, но женщина вскричала: "Ой, ой, не стыдно тебе?" – и ударила его по затылку. И всякий раз, как он говорил ей: "Это называется так-то", – она била его и отвечала: "Нет! нет!" – пока, наконец, он не спросил: "О сестрица, как же это называется?" – "Хан Абу-Мансура", – отвечала она, и носильщик воскликнул: "Слава Аллаху за спасение, ха, ха, о хан Абу-Мансура!"

И женщина встала и надела свои одежды, и они вновь принялись за прежнее, и чаши некоторое время ходили между ними, а потом носильщик поднялся и, сняв с себя одежду, сошел в водоем, и они увидели его плывущим в воде. Он вымыл у себя под бородой и под мышками и там, где вымыли женщины, а потом вышел и бросился на колени их госпожи, закинув руки на колени привратницы, а ноги на колени покупавшей припасы. И он показал на свой зебб и спросил: "О госпожи мои, как это называется?" – и все так засмеялись его словам, что упали навзничь, и одна из них сказала: "Твой зебб", – но он ответил:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Нет!" – и укусил каждую из них по разу. "Твой айр", – сказали они, но он ответил: "Нет!" – и по разу обнял их..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Десятая ночь

Когда же настала десятая ночь, сестра ее Дуньязада сказала ей: "Докончи нам твой рассказ".

И Шахразада ответила: "С любовью и охотой. Дошло до меня, о счастливый царь, что они, не переставая, говорили носильщику: "Твой айр, твой зебб, твой кол", а носильщик целовал, кусал, и обнимал, пока его сердце не насытилось ими, а они смеялись и, птенец, спросили его: "Как же это называется, о брат наш?" – "Вы не знаете имени этого?" – воскликнул он, и они сказали: "Нет", и тогда он ответил: "Это всеокрушающий мул, что пасется на базилике храбреца и кормится очищенным кунжутом и ночует в хане Абу–Мансура!"

Девушки так засмеялись, что опрокинулись навзничь, а затем они снова принялись беседовать, и это продолжалось, пока не подошла ночь. И тогда они сказали носильщику: "Во имя Аллаха, о господин, встань, надень башмаки и отправляйся! Покажи нам ширину твоих плеч". По носильщик воскликнул: "Клянусь Аллахом, мне легче, чтобы вышел мой дух, чем самому уйти от вас! Давайте доведем ночь до дня, а завтра каждый из нас пойдет своей дорогой". И тогда та, что делала покупки, сказала: "Заклинаю вас жизнью, оставьте его спать у нас, – мы над ним посмеемся! Кто доживет до того, чтобы еще раз встретиться с таким, как он? Он ведь весельчак и остряк!" И они сказали: "Ты проведешь у нас ночь с условием, что подчинишься власти и не станешь спрашивать ни о чем, что бы ты ни увидел, и о причине этого". – "Хорошо", – ответил носильщик, и они сказали: "Встань, прочти, что написано на дверях".

Носильщик поднялся и увидел на двери надпись золотыми чернилами: Кто станет говорить о том, что его не касается, услышит то, что ему не понравится. И тогда он воскликнул: "Будьте свидетелями, что я не стану говорить о том, что меня не касается!" После этого покупавшая встала и приготовила ему еду, и они поели и потом зажгли свечи и светильники и подсыпали в них амбру и алоэ. Они сидели и пили, вспоминая любимых, а потом пересели на другое место и поставили свежие плоды и напитки и продолжали есть и пить, беседовать, закусывать, смеяться и повесничать. Но вдруг постучали в дверь, и одна из женщин пошла к двери, а затем вернулась и сказала: "Паше веселье стало полным сегодня вечером". – "А что такое?" – спросили ее, и она ответила: "У двери три чужеземца, – календеры [28], с выбритыми подбородками, головами и бровями, и все трое кривы на правый глаз, а это удивительное совпадение. Они похожи на возвратившихся из путешествия. Они прибыли в Багдад и впервые вступили в каш город. А получали в дверь они потому, что не нашли места, где провести ночь, и подумали: "Может быть, хозяин этого дома даст нам ключ от стойла или хижины, где мы сегодня переночуем". Их застиг вечер, а они чужестранцы и не знают никого, у кого бы приютиться. О сестрицы, у них у всех смешной вид..." И она до тех пор подлаживалась к сестрам, пока те не сказали: "Пусть их входят, но поставь им условие, чтоб они не говорили о том, что их не касается, а не то услышат то, что им не понравится!"

И женщина обрадовалась и пошла и вернулась, и с нею трое кривых, с обритыми подбородками и усами. Они поздоровались и поклонились и отошли назад, а женщины поднялись им навстречу и приветствовали их и поздравили с благополучием и посадили их. И календеры увидели нарядное помещение и чисто убранную трапезу, уставленную зеленью, горящими свечами и дымящимися курильницами и закусками и плодами и вином, и трех невинных девушек, и воскликнули вместе: "Клянемся Аллахом, хорошо!" Потом они обернулись к носильщику и нашли, что он весел, устал и пьян, и, увидев его, они сочли его одним из своих же и сказали: "Он календер, как и мы, он чужестранец или кочевник". И когда носильщик услышал эти слова, он встал и, вперив в них взор, воскликнул: "Сидите и не болтайте! Разве вы не прочли то, что на двери? Вы вовсе не факиры! [29] Вы пришли к нам и распускаете о нас языки!" И календеры ответили: "Просим прощения у Аллаха, о факир! Паши головы перед тобою". Женщины засмеялись и, поднявшись, помирили календеров с носильщиком и подали календерам еду. И те поели и сидели беседуя, и привратница поила их, и чаша ходила между ними, и носильщик сказал календерам: "А вы, о братья, нет ли у вас какойнибудь истории или диковинки, чтобы рассказать нам?" И жар разлился по ним, и они потребовали музыкальные инструменты, и привратница принесла им бубен, лютню и персидскую арфу, и календеры встали и настроили инструменты, и один из них взял бубен, другой лютню, а третий арфу, и они начали играть и петь, а девушки закричали так, что поднялся большой шум. И когда они так развлекались, вдруг постучали в дверь, и привратница встала, чтобы посмотреть, кто у двери.

А в дверь постучали потому, о царь, – говорила Шахразада, – что в эту ночь халиф Харун ар–Рашид [30] вышел пройтись и послушать, не произошло ли чего–нибудь нового, вместе со своим везирем Джафаром и Масруром, палачом его мести (а халиф имел обычай переодеваться в одежды купцов). И когда они вышли этой ночью и пересекли город, их путь пришелся мимо этого дома, и они услышали музыку и пение, и халиф сказал Джафару: "Я хочу войти в этот дом и услышать эти голоса и увидеть их обладателей". – "О повелитель правоверных, – сказал Джафар, – это люди, которых забрал хмель, и я боюсь, что нас постигнет от них зло". – "Я непременно войду туда!" – сказал халиф, – и я хочу, чтобы ты придумал, как нам войти к ним". И Джафар отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" Потом Джафар подошел и постучал в дверь, и привратница вышла и открыла дверь, и Джафар выступил вперед, облобызал землю и сказал: "О госпожа, мы купцы из Табарии [31]. Мы в Багдаде уже десять дней, и мы продали свои товары, а стоим мы в хане купцов. И один купец пригласил нас сегодня вечером, и мы пошли к нему, и он предложил нам поесть, и мы поели, а потом мы некоторое время с ним беседовали, и он разрешил нам удалиться. И мы, чужеземцы, вышли ночью и сбились с дороги к хану, где мы стоим, и может быть, вы будете милостивы и позволите войти к вам сегодня ночью и переночевать, а вам будет небесная награда". Привратница посмотрела на пришедших, которые были одеты как купцы и имели почтенный вид, и, войдя к своим сестрам, передала рассказ Джафара, и они опечалились и сказали ей: "Пусть войдут".

Тогда она вернулась и открыла им дверь, и они спросили: "Входить нам с твоего разрешения?" – "Входи те", – сказала привратница, и халиф с Джафаром и Масруром вошли, и когда девушки увидели их, они поднялись им навстречу и посадили их и оказали им почтение и сказали: "Простор и уют гостям, но у нас есть для вас условие". – "Какое же?" – спросили они, и девушки ответили: "Не говорите о том, что вас не касается, а не то услышите то, что вам не понравится". И они ответили им: "Хорошо!" Потом они сели пить и беседовать, и халиф посмотрел на трех календеров и увидел, что они кривые на правый глаз? и изумился этому, а взглянув на девушек, столь красивых и прекрасных, он пришел в недоумение и удивился. Затем начались беседы и разговоры, и халифу сказали: "Пей!", но он ответил: "Я намереваюсь совершить паломничество" [32]. И тогда привратница встала и, принесла скатерть, шитую золотом, поставила на нее фарфоровую кружку, в которую влила ивового соку и положила туда ложку снега и кусок сахара, и халиф поблагодарил ее и сказал про себя: "Клянусь Аллахом, я непременно вознагражу ее завтра за ее благой поступок!"

И они занялись беседой, и, когда вино взяло власть, госпожа дома встала и поклонилась им, а потом взяла за руку ту, что делала покупки, и сказала: "О сестрицы, исполним наш долг", – и сестры ответили: "Хорошо!" И тогда привратница встала, прибрала помещение, выбросила очистки, переменяла куренья и вытерла середину покоя. Она посадила календеров на скамью у возвышения, а халифа, Джафара и Масрура на скамью на другом конце покоя, а потом крикнула носильщику: "Как ничтожна твоя любовь! Ты ведь не чужой, а из обитателей дома!" И носильщик встал и сказал, затянув пояс: "Что тебе нужно?" И она ответила ему: "Стой на месте!" Потом поднялась та, что делала покупки, и поставила посреди покоя скамеечку, а затем она открыла чуланчик и сказала носильщику: "Помоги мне!" И носильщик увидел двух черных сук, на шее у которых были цепи, и женщина сказала ему: "Возьми их", – и носильщик взял сук и вышел с ними на середину помещения.

Тогда хозяйка дома встала и, обнажив руки до локтя, взяла бич и сказала носильщику: "Выведи одну из этих сук!" И носильщик вывел суку, таща ее на цепи, и она плакала и головой тянулась по направлению к женщине, а та принялась бить ее по голове, и сука кричала, а женщина била ее, пока у нее не устали руки. И тогда она бросила бич и, прижав суку к груди, вытерла ей слезы и поцеловала ее в голову, а затем она сказала носильщику: "Возьми ее и подай вторую". И носильщик привел, и женщина сделала с ней то же, что с первой.

Сердце халифа обеспокоилось, и его грудь стеснилась, и ему не терпелось узнать, в чем дело с этими двумя суками. И он подмигнул Джафару, но тот повернулся к нему и знаком сказал: "Молчи!"

Затем госпожа жилища обратилась к привратнице и сказала ей: "Вставай и исполни то, что тебе надлежит", – и та ответила: "Хорошо!" Потом она поднялась на ложе (а оно было из можжевельника, выложенное полосками золота и серебра) и сказала привратнице и той, что делала покупки: "Подайте, что есть у вас!" И привратница поднялась и села возле нее, а та, что закупала приправы вошла в одно из

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

помещений и вышла, неся чехол из атласа с зелеными лентами и двумя солнцами из золота, и, остановившись перед госпожой жилища, она распустила чехол и вынула оттуда лютню для пения. Она настроила струны и подтянула колки и, наладив лютню как следует, произнесла такие стихи:

"Ты цель моя и желанье

И близость к вам, любимые,

В ней вечное блаженство,

А даль от вас – огонь.

Безумен я из-за вас же,

И в вас влюблен все время я,

И если вас люблю я,

Позора нет на мне.

Слетели с меня покровы,

Как только я влюбился в вас;

Любовь всегда покровы

Срывает со стыдом.

Оделся я в изнуренье

И ясно – не виновен я,

И сердце только вами

В любви и смущено.

Ты, изливаясь, слезы,

И тайна всем ясна моя,

Известны стали тайны

Благодаря слезам.

Лечите мои недуги:

Ведь вы – лекарство и болезнь.

А затем женщина воскликнула: "Ради Аллаха, сестрица, исполни свой долг передо мной и подойди ко мне!" И та, что делала покупки, ответила: "С любовью и охотой!" Она взяла лютню, прислонила ее к груди и, ущипнув струны пальцами, произнесла:

"На разлуку вам жалуясь, – что мы скажем?

А когда до тоски дойдем – где же путь наш?

Иль пошлем мы гонца за нас с изъяснением?

По не может излить гонец жалоб страсти.

Иль стерпеть нам? Но будет жить ведь влюбленный,

Потерявший любимого, лишь немного.

Будет жить он в тоске одной и печали,

И ланиты зальет свои он слезами.

О, сокрытый от глаз моих и ушедший,

По живущий в душе моей неизменно!

Тебя встречу ль? И помнишь ли ты обет мой.

Что продлится, пока текут эти годы?

Иль забыл ты, вдали, уже о влюбленном,

Что довольно уж слез пролил, изнуренный?

Ах! И если сведет любовь нас обоих,

Будут длиться упреки наши немало".

И, услышав вторую касыду, госпожа жилища закричала: "Клянусь Аллахом, хорошо!" – и, опустив руку, разорвала свои одежды, как в первый раз, и упала на землю без памяти. А покупавшая встала и брызнула на нее водой и надела на нее вторую одежду, и тогда она поднялась и села и сказала своей сестре, которая закупала припасы: "Прибавь мне и уплати мой долг сполна. Осталась только эта мелодия":

И покупавшая взяла лютню и произнесла такие стихи:

"До каких же пор отдален ты будешь и гроб со мной?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Не довольно ль слез пролилось моих до сей поры?

До каких же пор ты продлишь разлуку умышленно?

Коль завистнику ты добра желал – исцелился он.

Коль коварный рок справедлив бы был ко влюбленному,

Никогда б ночей он не знал без сна, страстью мучимый.

Пожалей меня; я измучена твоей грубостью;

Не пора ль тебе, повелитель мой, благосклонней стать?

О убийца мой! Расскажу кому о любви своей?

Как обманут тот, кто печалится, коль любовь мала!

Моя страсть все больше, и слез моих все сильнее ток,

И разлуки дни, что текут, сменяясь, так тянутся!

Правоверные! За влюбленного отомстите вы,

Друга бдения. Уж терпенья стан опустел совсем.

Дозволяет ли, о желанный мой, то любви закон,

Чтоб далек был я, а другой высок в единенья стал?

И могу ли я наслаждаться миром вблизи него?

О, доколь любимый стараться будет терзать меня?"

И когда женщина услышала третью касыду, она вскрикнула, и разорвала свою одежду, и упала на землю без памяти в третий раз, и опять стали видны следы ударов бичами. И календеры воскликнули: "Чтобы нам не входить в этот дом и переночевать на свалке! Наша трапеза расстроена тем, от чего разрывается сердце". И халиф обратился к ним и спросил: "Почему это?" – и они сказали: "Наше сердце смущено этим делом". – "Разве мы не из этого дома?" – спросил халиф. "Нет, – отвечали они, – мы увидели это место только сейчас". И халиф удивился и воскликнул: "Но тот человек, что подле вас, знает их дело!" Он мигнул носильщику, и того спросили об этом, и носильщик сказал: "Клянусь Аллахом, все мы в любви одинаковы! Я вырос в Багдаде, но в жизни не входил в этот дом до сегодняшнего дня, и мое пребывание у них – диво". – "Мы считали, клянемся Аллахом, что ты принадлежишь к ним, а теперь видим, что ты такой же, как мы", – сказали они. И халиф вскричал: "Нас семеро мужчин, а их трое женщин, и у них нет четвертого! Спросите их, что с ними, и если они не ответят по доброй воле, то ответят насильно". И все согласились с этим, но Джафар сказал: "Не таково мое мнение! Оставьте их – мы у них гости, и они поставили нам условие, и мы его приняли, как вы знаете. Предпочтительней молчать об этом деле. Ночи осталось уже немного, и каждый из нас пойдет своею дорогою". Он мигнул халифу и сказал ему: "Осталось не больше часу, а Завтра ты их призовешь пред лицо свое и спросишь их". Но халиф поднял голову и закричал гневно: "Мне не терпится больше. Пусть календеры их спросят!" "Мое мнение не таково", – сказал Джафар. И они стали друг с другом переговариваться о том, кто же спросит женщин раньше, и они, наконец, сказали: "Носильщик!"

Тут госпожа жилища спросила их: "О люди, о чем вы шепчетесь?" И носильщик поднялся и сказал: "О госпожа моя, эти люди хотели бы, чтобы ты рассказала им историю собак: в чем дело, отчего ты их мучаешь, а потом плачешь и целуешь их, и рассказала бы также о твоей сестре, и почему ее били бичами, как мужчину? Вот их вопросы к тебе".

И женщина, госпожа жилища, спросила гостей: "Правда ли то, что он говорит про вас?" И все отвечали: "Да", – кроме Джафара, который промолчал. И когда женщина услышала их слова, она воскликнула: "Поистине, о гости, вы обидели меня великой обидой! Ведь мы раньше условились с вами, что те, кто станут говорить о том, что их не касается, услышат то, что им не понравится! Недостаточно вам, что мы ввели вас в наш дом и накормили нашей пищей? Но вина не на вас, вина на том, кто привел вас к нам". Затем она обнажила руки, ударила три раза об пол и воскликнула: "Поторопитесь!"

Вдруг открылась дверь чулана, и оттуда вышли семь рабов с обнаженными мечами в руках. "Скрутите этих многоречивых и привяжите их друг к другу!" – воскликнула она. И рабы сделали это и сказали: "О почтенная госпожа, прикажи нам снять с них головы". – "Дайте им ненадолго отсрочку, пока я спрошу их, кто они, прежде чем им собьют головы", – сказала женщина.

И носильщик воскликнул: "О покров Аллаха! О госпожа моя, не убивай меня по вине других! Все они погрешили и сделали преступление, кроме меня. Клянусь Аллахом, наша ночь была бы хороша, если бы мы избежали этих календеров, которые, войди они в населенный город, превратили бы его в развалины. Ведь говорит же поэт:

Прекрасно прощенье от властных всегда,

Особенно тем, кто защиты лишен.

Прошу я во имя взаимной любви:

Одних за Других ты не вздумай убить".

И когда носильщик кончил говорить, женщина засмеялась..." И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала одиннадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что женщина засмеялась от гнева и, обратившись ко всем, сказала: "Расскажите мне свою историю, – вашей жизни остался только час. Если бы вы не были знатными и вельможами своего народа или судьями, вы, наверно, не осмелились бы на это".

"Горе тебе, о Джафар, – сказал тогда халиф, – осведоми ее о нас, а иначе мы будем убиты по ошибке. И говори с ней получше, или нас постигнет несчастье!" "Это лишь часть того, что ты заслуживаешь", – отвечал Джафар. И халиф закричал на него: "Для шуток свое время, а для дела свое!"

А между тем женщина подошла к календерам и спросила их: "Вы братья?" – и они ответили: "Нет, клянемся Аллахом, мы только факиры и чужеземцы".

"Ты родился кривым?" – спросила она одного из них, и он ответил: "Нет, клянусь Аллахом! Со мной случилась изумительная история и диковинное дело, и у меня вырвали глаз, и моя повесть такова, что, будь она написана иглами в уголках глаза, она стала бы назиданием для поучающихся". И она спросила второго и третьего, и они ответили то же, что первый, и сказали: "Клянемся Аллахом, о госпожа, все мы

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

из разных стран, и мы сыновья царей и правителей над землями и рабами". И тогда она обратилась к ним и сказала: "Пусть каждый из вас расскажет нам свою историю и причину своего прихода к нам, а потом пригладит голову и отправится своей дорогой".

И носильщик выступил первым и сказал: "О госпожа моя, я носильщик, меня нагрнула эта закупщица и пошла со мной от дома виноторговца к лавке мясника, а от лавки мясника к торговцу плодами, а от него к бакалейщику, а от бакалейщика к продавцу сладостей и москательщику, от них же сюда, и у меня случилось с вами то, что случилось. И вот весь мой рассказ, и конец!" И женщина засмеялась и сказала: "Пригладь свою голову и иди!" – И носильщик воскликнул: "Но уйду, пока не услышу рассказов моих товарищей!"